

УДК 800.6.86/.87

**ПСКОВСКО-БЕЛОРУССКОЕ ЯЗЫКОВОЕ ПОГРАНИЧЬЕ
(ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ИДИОМА)¹**

канд. филол. наук, доц. Н.В. БОЛЬШАКОВА
Псковский государственный университет, Россия

Выявлены лексико-семантические схождения в говорах псковско-белорусского пограничья. Источники исследования данного идиома – диалектные словари русского и белорусского языков. В исследовательскую базу введена текстовая часть псковского диалектного и фольклорно-этнографического архива. Обоснованы принципы создания специального словаря, отражающего лексические приметы пограничного псковско-белорусского языкового пространства.

Ключевые слова: *псковско-белорусское пограничье, лексико-семантические схождения, сопоставительный словарь идиома.*

Введение. Историко-культурный и языковой ландшафт псковско-белорусского пограничья представляет собой уникальное явление как в этнокультурном, так и в языковом отношении. Имея общие корни и пережив сходные исторические процессы, современные северо-восточные говоры Белоруссии и южнопсковские говоры в известное время оказались разделенными административной границей, а сейчас занимают территорию, расположенную по обе стороны государственной границы. Вместе с тем исследователи современных говоров рассматриваемой пограничной зоны подтверждают отмечавшееся ранее единство псковско-белорусского лингвистического пространства и отсутствие резких внутренних границ. Наблюдения над диалектными особенностями хранящихся в псковском диалектном и фольклорно-этнографическом архиве текстов, записанных в южных районах современной Псковской области, также обнаруживают многочисленные белорусизмы на всех уровнях – от фонетики до грамматики. Настоящая работа ставит своей целью выявление схождений лексико-семантического характера в говорах псковско-белорусского пограничья.

Основная часть. В типологии народных говоров, по данным отечественного языкознания, для наименования приграничного языкового единства конкурируют два основных термина: «переходные говоры» и «смешанные говоры», каждый из которых имеет в диалектологии свою историю развития и употребления. Понятие переходных говоров традиционно принято относить к средневеликорусским народным говорам [1, с. 46–48]. Типичными представителями переходных зон при характеристике славянского языкового пространства Н.И. Толстой называет говоры белорусско-великорусского пограничья, приводя в пример Смоленщину [2, с. 39–40]. Согласно такому подходу к переходным следует отнести и говоры русско-белорусского пограничья Псковщины.

Термин «переходные говоры», как и многие термины диалектологии, был научно обоснован в работах Московской диалектологической комиссии (МДК), причем как Н.Н. Дурново, так и Н.Н. Соколов проводили различие между понятиями переходных и смешанных говоров. В ходе деятельности МДК, в том числе и в работе над «Опытом диалектологической карты русского языка в Европе» [3], выработалось мнение, согласно которому переходный говор является результатом длительного, занимающего целые исторические эпохи, интегративного процесса, в случае если этот процесс завершился формированием говора нового типа, по сравнению с двумя говорами, вступившими в контакт. Смешанные же говоры, по мнению авторов, связаны с простым заимствованием отдельных слов или даже форм, что не изменяет их строя [3, с. 2–3].

История говоров, располагающихся в зоне современного псковско-белорусского контактирования, не может быть подведена под описанные модели языкового взаимодействия, т.к. современное состояние является результатом адстратных и дивергентных процессов. В последовавших после работ МДК диалектологических исследованиях также не было полной ясности в использовании терминов «переходные говоры» и «смешанные говоры». Этой проблеме была посвящена статья А.Б. Пеньковского 1969 г., обобщения и идеи которой и сейчас не потеряли актуальности [4]. Причину негативного отношения к конкурирующим терминам автор справедливо усматривал в посторонних ассоциациях, идущих от внутренней формы слов *переходный* и *смешанный*. Слово *смешанный* вызывает представление о беспорядочности, что противоречит системному пониманию языковых процессов, а слово *переходный* создает препятствия в употреблении его для характеристики синхронных состояний диалекта, т.е. фактически приводит к смешению синхронии и диахронии. Нечеткое и противоречивое понимание сущности рас-

¹ Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта №16-24-04001.

аудиоматериалов к описанию диалектных особенностей южнопсковских приграничных территорий. Псковский диалектный и фольклорно-этнографический архив, хранящийся в Псковском государственном университете, содержит значительный по объему и богатый по содержанию аудиофонд. В частности, по неоднократно привлекавшему уже исследовательский интерес Невельскому району Псковской области оцифровано более 6 Гб записей, что составляет 102 часа звучания. За период с 1977 г. в этом районе было проведено 17 экспедиций, в ходе которых сделаны аудиозаписи из 200 населенных пунктов. В своей работе по изучению псковско-белорусского идиома мы привлекаем данные «Псковского областного словаря с историческими данными» [18] и его картотеки с учетом территории распространения лексем, а также региональные словари белорусского языка, фиксирующие лексику районов, пограничных с Псковщиной.

По основным показателям фонетики, грамматики и (пока в меньшей степени) лексики мы провели предварительный обзор диалектных явлений, причем попытались получить ответы на некоторые вопросы, поставленные исследователями. Так, по нашим данным, на территории псковско-белорусского пограничья последовательно представлено диссимилятивное аканье. С определенностью можно указать также на ряд ярких признаков консонантизма: регулярно проявляющаяся твердая аффриката [ч], шепелявый мягкий свистящий, фрикативный заднеязычный согласный. Проведены наблюдения над произношением губных спирантов и рассмотрено соотношение [y] – [в], которое обусловлено не простой меной звуков, а целым рядом диахронных и синхронных явлений. Однако каждый из этих вопросов составляет отдельную тему в рамках изучения существующей модели «белорусского комплекса».

На фоне данных традиционной диалектологии (преимущественно в области фонетики и морфологии) достижения лексикологии, в том числе и диалектной, за последние десятилетия убедительно доказано, что лексика (как отдельные лексемы-маркеры, так и системно организованные слова) также может служить надежным основанием для решения лингвогеографических и лингвокультурологических задач. Материалы опубликованных выпусков «Псковского областного словаря с историческими данными» и его картотеки позволяют не только подтвердить употребление выявленных лексем, но и уточнить территорию их распространения на Псковщине, выявить системные лексико-семантические связи.

Проиллюстрируем эти положения некоторыми примерами сопоставительного анализа лексических данных из вышеупомянутой статьи П.А. Бузука с материалами диалектных словарей русского языка. Так, например, приведенные в статье П.А. Бузука слова *магілкі* ‘кладбище’, *гарелка* ‘водка, самогон’ действительно являются южнопсковскими, в то время как *каліка*, *кыстра*, *порині*, *летась*, *хата* (примеры даны в орфографии автора) имеют в XX в. широкое использование. В терминологии хозяйственных построек П.А. Бузук отмечал функциональные различия: так, *пуня* называет хозяйственную постройку для сена, в то время как для называния постройки для сушки снопов используются слова *авін*, *пыдавін* и *еўня*. По данным современных псковских говоров, это различие в целом сохраняется. Что касается локализации, то слово *пуня* широко распространено на всей псковской территории, о чем свидетельствуют и многочисленные дериваты – результаты как модификационного, так и мутационного словообразования: *пўнька*, *пуніоха*, *пўніошка*, *пўняшка*; *припўн*, *припўнек*, *припўнник*, *припўнька*, *припўня* (данные картотеки «Псковского областного словаря»). «Словарь русских народных говоров» фиксирует слово *пуня* как бытующее на территории многих русских говоров – и в европейской части, и на Урале, и в Сибири [19, с. 125–126]. Ареал слова *евня* / *ёвня* сосредоточен около Белоруссии как по данным того же сводного словаря (смол., со ссылкой на словарь Даля – зап.) [20, с. 312], так и по сведениям псковской диалектной речи [21, с. 104].

Сходные по значению слова *знобкий* (якая знопкая пагода) и *золкий* (по материалам П.А. Бузука – в предикативном употреблении – *золка ныгам*) также имеют различные географические характеристики. Первое не имеет четко очерченного ареала на Псковщине: *Паго́да та́кая хало́дная, зно́пкая*. Пустошкинский р-н; *А ве́чер зно́пкий*. Опочецкий р-н; *Ветеро́к тако́й зно́бкий*. Островский р-н; *И зацо́ лето́м та́ка зно́пкая погдо́а сто́й*. Гдовский р-н. Слово *золкий*, а также предикат *золко* неоднократно фиксируется именно в южнопсковских говорах: *О́сенью золь та́кая и́дёт, гря́зь де́ржыца – пау́ода зо́лая*. Пустошкинский р-н; *У́ ключе́ вада́ зо́лая, хало́дная*. Невельский р-н; *А на дваре́ джо́жэ зо́лка*. Себежский р-н [22, с. 88].

Рассмотренные примеры показывают, что проблема лексических показателей в территориальном диалектном делении продолжает оставаться актуальной. При выявлении лексических маркеров, по которым можно делать надежные выводы о локализации лексемы, требуется большая осторожность в квалификации того или иного факта фиксации. Кроме того, лексику уже невозможно представлять разрозненно, единично, простым списком, вне лексико-семантической системы говоров.

В целях выявления системных лексико-семантических сходжений и предпринята попытка создания специального сопоставительного словаря, опирающегося главным образом на опубликованные лексикографические источники [18, 23, 24]. Помимо этого, наличие в псковском архиве большого количества разножанровых текстов, в том числе и аудиоматериалов, позволяет в новом словаре провести мас-

штабное изучение лексических сходжений псковско-белорусского идиома с введением в научный оборот неопубликованных диалектных данных.

Проводимый сравнительный анализ лексикографических источников дает возможность более точно определить само понятие белорусизма для лексики говоров южной Псковщины: установить, стоит ли за тем или иным словом общепсковское языковое явление, или оно имеет локальный, диалектный, характер. Существенным представляется выявление тематических зон лексико-семантических сходжений.

Структурные части словарной статьи представлены данными диалектных словарей (с дополнениями из неопубликованных материалов псковского архива) с соответствующими ссылками на источники. Из-за различий в фонетическом облике слова и особенностей орфографии в словарной статье не представляется возможным вывести единый заголовок. С целью акцентирования семантики слова словарная статья источников трансформирована в две части. Таким образом, структура словарной статьи сопоставительного словаря включает зону заголовка, зону дефиниции, иллюстративную зону.

Для примеров в данной публикации мы выбрали слова-этнографизмы, отражающие часть традиционной постройки и имеющие отношение к предметам хозяйственной утвари. Уже эти отдельные факты сходжений в области предметной лексики указывают на неслучайность и глубокое родство не только в области языка, но и в сфере традиционной народной культуры.

Южнопсковские говоры	Северо-восточные и северо-западные говоры Белоруссии	
Псковский областной словарь с историческими данными (ПОС), псковский диалектный и фольклорно-этнографический архив (ПА)	Рэгіянальны слоўнік Віцебшчыны (РСВ)	Слоўнік беларускіх гаворак паўночна-заходняй Беларусі і яе пагранічча (СБГП-3)
ГАНКА¹ / ГАНОК	ГАНАК	ГАНАК ~ ГАНОК
Крытое крыльцо	1. Сені. 2. Веранда. 3. Ступенька, прыступка	1. Ганак. параўн. польск. <i>ganek</i> , 'тж', ням. <i>Gang</i> 'тж'. 2. Прыступкі перад парогам
ПОС 6, 137: <i>Пайдём, Галя, пасидим на ганке, у нас крыльцо, а раньшэ ганка</i> . Пуст. + Кун. <i>На ганок наступила, ганок абламила</i> . [Песня] Себ. <i>Ганьк, фсе ганкам называем</i> . Остр.	РСВ I, 146: 1. <i>К дому прыбудаваці ганак</i> . Паст. 2. <i>Чуць дзверы мне ў ганку ня выламалі</i> . Паст. 3. <i>Глядзі, на ганкам ціхонька ідзі – галалёд жа</i> . Тал.	СБГП-3 I, 417: 1. <i>Зайдзіця на ганак, сядайця</i> . Трак. <i>У нас ганак і віранда</i> . Лях. <i>Там у ганку стаіць вядро</i> . Іўеў. <i>Хата з ганкам</i> . Бабіц. <i>Лежоў под ганкам</i> . Калінк. <i>Хоч на ганку од дошчу схаваймось</i> . Драг. 2. <i>На ганку сіла</i> . В Сымоновыч <i>скажуць – помышчык, а на Вільцы – ганок</i> . Драг.
ДОЁНКА	ДАЁНАК / ДАЁНІК	ДАЁНКА
Подойник	Даёнка	Дайница
ПОС 9, 106: <i>В даёнки доят, как вёдры, сагнут маленький ражок</i> . Оп. <i>Даёнку вазьмі и пачиркай карову</i> . Кун. <i>Даёнка – эта кароф доють, малако туды бижыть</i> . Нев. <i>Принёс ён полную даёнку малака</i> . Пуст. + Вл., Дед. ПА: <i>А сын даже онемел, и не нашёлсь бы ничего сказать, если б вдруг с доённой молока Маша в избу не вошла</i> . Усв.	РСВ I, 172: <i>Трэба ўжо выпарыць даёнак, памыць харапэнько</i> . Шум. <i>Беры даёнік і ідзі да каровы</i> . Гар.	СБГП-3 2, 13: <i>Даёнка драўляная</i> . Астр., Глыб., Чэрв. <i>Даёнка карову даіць</i> . Вільн. <i>Даёнка дзеравяна, з адною ручкаю, кароў даілі</i> . Шчуч.
ОТЫМА́ЛКА / ОТЫ́МКА	АДНІ́МКА ~ АТЫМА́ЛКА / АТЫМА́НКА / АТЫ́МКА / АТЫМА́ЧКА / АТЫМА́ШКА	АДЫМА́ЛКА / АТЫМА́ЛКА ~ АДЫМА́ЧКА / АДДЫМА́ЧКА / АТЫМА́ЧКА / АТЫМА́ШКА ~ АТЫ́МКА
Тряпка, которой прихватывают горячую посуду во избежание ожога	Кавалак грубай тканіны, якой бяруць гаршкі, чыгуны	Кавалак грубай тканіны, якой бяруць гаршкі, чыгуны
ПОС 24, 315, 316: <i>А эта мая атымалка, я ей катялок атымаю</i> . Вл. <i>Атымкай гаршкі вытирають, урязная ана</i> . Пуст. ПА: <i>Ох, свиння ты огородняя, Да ты подмаза сковородняя, А отымка ты горшечная</i>	РСВ I, 36-37, 54: <i>Аднімкай зымаюць катлы з прыпечка</i> . Віц. <i>Аднімка – гразная трапка катлы насіць</i> . Міёр. <i>Вазьмі аднімку, рукі опечыш</i> . В.-Дзв., Міёр., Рас., Уш. <i>А дзе ж дзелася адымка, што на лаўцы ляжала?</i> Гар. <i>Вазьмі атымку, гаршок адстаў на прыпек</i> .	СБГП-3 1, 66, 129: <i>Адымалкай гаршкі бяруць – адымаюць</i> . Маладз. <i>Атымалка катлы браць</i> . Віл. <i>Адымачка – трапка, што саганы бяруць</i> . Паст. <i>Адымачка гаршкі адамаць</i> . Воран. <i>Адымачка – трапка для цаганоў</i> . Навагр. <i>Бяры адымачкай чыгун, а</i>

<i>И затычка в трубе вечная! Пуст.</i>	<i>В.-Дзв. Падай атымалку, бульбу аццажу. Рас. Так ён гэтую рубяху занасіў, зрабіў, як атымалку. Шарк., Брасл., В.-Дзв., Міёр., Шарк. Ты атымалку вазьмі, каб ні абажглася. Чаш. Вазьмі атымаху, бульбу аццадзі, зварылася ўжо. Паст. Падай мне атымалку, недзе там на прыпечку валяцца. Паст. Адыдзіся, ні мішай, бо дам атымашкай на руках. Паст.</i>	<i>то рукі папячэш. Воран. Атымачкай гаршок с печы дастаём. Смарг. Атымачкі вымыла чыста. Валож. Я знаю, якая трапка да чаго: сцірка, атымашка. Паст. Атымашкай катлы с печы здымаюць, бульбу аццэдзваюць. Паст. Хустку завязала, як атымку гразную. Лаг.</i>
--	---	---

Заклучение. Таким образом, современная территория Псковской области, расположенная «на стыке цивилизаций», в течение многих веков является этнокультурным рубежом, где сформировался уникальный по особенностям материальной и духовной культуры регион, граничащий сразу с тремя странами – Беларусией, Латвией и Эстонией [25]. К перечню сфер, в которых проявляется региональная специфика Псковщины, следует добавить и особенности народной речи, которая, как отмечал Б.А. Ларин, основатель «Псковского областного словаря с историческими данными», отражает «тысячелетние связи и культурный обмен русского населения с тесно примыкающими народами прибалтийско-финской группы, с латышами и литовцами, а также с белорусами» [26, с. 3]. Территорией контактирования псковских говоров с белорусским языком является современный южнопсковский регион, своеобразие которого обусловлено длительной историей формирования этой особой этнокультурной зоны, причем основные события являются общими для истории южной территории современной Псковской области и северо-восточной части Белоруссии. Создаваемый нами словарь пограничья позволит связать лексико-семантические системы, имеющие историческую общность, но функционирующие длительное время относительно самостоятельно.

ЛИТЕРАТУРА

1. Русская диалектология / под ред. Н.А. Мещерского. – М. : Высш. шк., 1972.
2. Толстой, Н.И. О соотношении центрального и маргинальных ареалов в современной Славии / Н.И. Толстой // Ареальные исследования в языкознании и этнографии. – Л. : Наука, 1977.
3. Опыт диалектологической карты русского языка в Европе с приложением очерка русской диалектологии : труды Московской диалектологической комиссии / сост.: Н.Н. Дурново, Н.Н. Соколов, Д.Н. Ушаков. – М., 1915. – Вып. V.
4. Пеньковский, А.Б. К проблеме смешанных и переходных говоров / А.Б. Пеньковский // Уч. зап. – Владимир : ВГПИ, 1969. – Т. 16., Вып. 2. – С. 152–185. – (Сер. «Русский язык»).
5. Захарова, К.Ф. Диалектное членение русского языка / К.Ф. Захарова, В.Г. Орлова. – М. : Просвещение, 1970.
6. Ганцовская, Н.С. Лексика говоров костромского акающего говора (проблемы типологии) : автореф. дис. ...д-ра филол. наук / Н.С. Ганцовская. – Ярославль, 2008.
7. Пшеничнова, Н.Н. Типология русских говоров / Н.Н. Пшеничнова. – М. : Наука, 1996.
8. Манаенкова, А.Ф. Русско-белорусские языковые отношения: На материале русских говоров Ветки / А.Ф. Манаенкова. – Минск : БГУ, 1978.
9. Новопокровская, В.Н. Из истории говоров, переходных от белорусского языка к русскому / В.Н. Новопокровская. – Минск : Минский ГПИ им. А.М. Горького, 1975.
10. Прохорова, С.М. Синтаксис переходной русско-белорусской зоны: ареально-типологическое исследование / С.М. Прохорова ; науч. ред. П.П. Шуба. – Минск : Университетское, 1991.
11. Большакова, Н.В. Южнопсковские говоры в контексте лингвогеографических и этнолингвистических проблем / Н.В. Большакова // Вестн. Псков. гос. ун-та. Сер. «Социально-гуманитарные и психолого-педагогические науки». – 2013. – Вып. 3. – С. 143–150.
12. Большакова, Н.В. Мотив «смещения» как признак этноконтактной диалектной зоны (на материале псковских говоров) / Н.В. Большакова // VALODA – 2013. – Лрр. 13–18.
13. Чекмонас, В.Н. Из истории формирования белорусских говоров / В.Н. Чекмонас // Беларуская мова: шляхі развіцця, кантакты, перспектывы : матэрыялы III Міжнар. кангрэса беларусістаў «Беларуская культура ў дыялогу цывілізацый» / рэдкал.: Г. Цырхун (гл. рэд.) [і інш.]. – Мінск : Беларускі кнігазбор, 2001. – С. 29–46.
14. Бузук, П.А. Да характарыстыкі паўночна-беларускіх дыялектаў: Гутаркі Невельскага і Вяліскага паветаў / П.А. Бузук. – Минск, 1926.
15. Карский, Е.Ф. К вопросу об этнографической карте белорусского племени / Е.Ф. Карский. – СПб. : Имп. АН, 1902.
16. Букринская, И.А. Говоры белорусско-русского пограничья / И.А. Букринская, О.Е. Кармакова, А.В. Тер-Аванесова // Исследования по славянской диалектологии. – М. : Ин-т славяноведения РАН, 2008. – [Вып.] 13 : Славянские диалекты в ситуации языкового контакта (в прошлом и настоящем). – С. 118–179.

17. Герд, А.С. Язык и речь населения Псковского края / А.С. Герд // Ист.-этногр. очерки Псковского края / под ред. А.В. Гадло. – Псков : ПОИПКРО, 1998. – С. 46–53.
18. Псковский областной словарь с историческими данными / под ред. Б.А. Ларина [и др.]. – Л. (СПб.) : ЛГУ (СПбГУ), 1967–2015. – Вып. 1–25.
19. Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф.П. Сороколетов. – СПб. : Наука, 1999. – Вып. 33.
20. Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф.П. Филин. – Л. : Наука, 1972. – Вып. 8.
21. Псковский областной словарь с историческими данными / под ред. Л.А. Ивашко, М.А. Тарасовой. – СПб. : СПбГУ, 1992 (1994). – Вып. 10.
22. Псковский областной словарь с историческими данными / под ред. Л.Я. Костючук [и др.]. – СПб. : СПбГУ, 2003. – Вып. 13.
23. Рэгіянальны слоўнік Віцебшчыны : у 2 ч. / склад.: Г.К. Семянькова [і інш.] ; пад рэд. Л.І. Злобіна (ч. 1), А.С. Дзядовай (ч. 2). – Віцебск : ВДУ імя П.М. Машэрава, 2012–2014.
24. Слоўнік беларускіх гаворак паўночна-заходняй Беларусі і яе пагранічча: у 5 т. / уклад. Ю.Ф. Мацкевич [і інш.] ; рэд. Ю.Ф. Мацкевич. – Мінск : Навука і тэхніка, 1979–1986.
25. Манаков, А.Г. На стыке цивилизаций: Этнокультурная география Запада России и стран Балтии / А.Г. Манаков. – Псков : ПГПИ, 2004.
26. Ларин, Б.А. // Псковский областной словарь с историческими данными [Предисловие] / Б.А. Ларин ; ред. А.И. Лебедева, О.С. Мжельская. – Л. : ЛГУ, 1967. – Вып. 1.

**PSKOV-BELARUSIAN LANGUAGE BORDER ZONE
(LEXICOGRAPHIC REPRESENTATION OF THE IDIOM)**

N.V. BOLSHAKOVA

The work is devoted to the identification of lexico-semantic similarities in the dialects of the Pskov-Belarusian border region. Research sources of this idiom are the dialect dictionaries of the Russian and Belarusian languages. The text part of the Pskov dialect and folklore and ethnographic archive is also entered into the research base. The article substantiates the principles of creating a special vocabulary reflecting the lexical signs of the linguistic space of the Pskov-Belarusian border.